УДК: 329:324(470.1/.2) DOI: 10.12737/23977

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРТИЙНЫХ СПИСКОВ НА ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ 2016 Г. В РЕГИОНАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

***Шашкова Я.Ю.*[1]**

В статье анализируются тенденции формирования партийных списков на выборах депутатов Государственной Думы РФ в регионах Западной Сибири. Подчеркивается значимость данного направления партийной работы, связанная с персонализацией политики в информационном обществе, трансформацией партийной функции представительства в функцию «лифта», распространением всеохватных партий, для которых состав кандидатов заменяет маркеры социальной базы. На основе изучения социального состава кандидатов в депутаты Госдумы 2016 г., выдвинутых по партийным спискам, и сравнения его с показателями 2011 г. делаются выводы о сохранении разницы кадрового потенциала парламентских и непарламентских партий, об отсутствии у новых партий серьезного кадрового ресурса, обеспечившего бы их конкурентоспособность на электоральном поле, о реальных действиях парламентских партий по обновлению своего состава кандидатов, а также об усилении «местного» фактора в выдвижении кандидатов на региональном уровне. Полученные результаты могут быть апробированы на материалах других регионов и использоваться при анализе кадровой политики современных российских партий.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-03-50136 «Динамика социально-демографического состава элит региональных отделений политических партий Западной Сибири в контексте переформатирования партийно-электорального пространства».

Ключевые слова: политические партии, избирательный процесс, кадровая политика, партийная элита, Западная Сибирь.

PRINCIPLES OF FORMING THE PARTY CANDIDATE LISTS FOR THE STATE DUMA ELECTIONS OF 2016 IN THE REGIONS OF WESTERN SIBERIA IN RUSSIA

SHASHKOVA Y.Y. – Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Political Science, Altai State University (Russian Federation, Barnaul), e-mail: yashashkova@mail.ru

The article analyzes trends in the formation of party lists at elections of State Duma deputies of the Russian Federation in the regions of Western Siberia. The significance of this direction of party work is outlined, associated with the personalization of politics in the information society, the transformation of the party representative functions in the function "lift", the spread of inclusive parties for which the composition of the candidates substitute markers of the social base. On the basis of the social composition of candidates for the State Duma in 2016, the deputies are nominated by party lists, and comparing it with the figures in 2011, some conclusions about the preservation of personnel potential difference of parliamentary and non-parliamentary parties are made, as well as about the absence of serious human resources in new parties to ensure their competitiveness in the electoral field, the real actions of the parliamentary parties to renew its

Шашкова Ярослава Юрьевна – доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой политологии, Алтайский государственный университет, адрес: 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66, e-mail: yashashkova@mail.ru

membership candidates, as well as to strengthen the "local" factor in the nomination of candidates at the regional level. The results can be tested on materials of other regions and used in the analysis of the personnel policy of modern Russian parties.

The publication was prepared within the framework of research project supported by RHF №16-03-50136 “The dynamics of socio-demographic composition of the elite of the regional branches of political parties of Western Siberia in the context of reformatting the party and electoral space"

Keywords: political parties, electoral process, personnel policy, party elite, Western Siberia.

Одним из значимых вопросов политической науки последних десятилетий остается вопрос о трансформации партий и их роли в политическом процессе. Особенно это касается функции представительства интересов, т.к. партии, с одной стороны, превратились в «профессионально-электоральные машины»[1], а с другой – остаются основными участниками избирательных кампаний и субъектами формирования органов государственной власти. Сочетание этих тенденций заставляет посмотреть на партии и их региональные отделения с позиции функции «лифта», когда данные организации становятся каналами продвижения во власть представителей групп интересов, что обусловлено смещением в постмодерне «центра тяжести партий от агентства, создающего символы, идентификацию, коллективные и нематериальные цели, к агентству, распределяющему селективные и материальные блага»[2].

Аналогичная ситуация наблюдается и в нашей стране, тем более что российские партии изначально создавались не столько как институты политического представительства интересов, сколько как «политические предприятия», обеспечивавшие конкуренцию элитных группировок. В этой связи пристального внимания исследователей заслуживает политика формирования партиями корпуса кандидатов в депутаты представительных органов власти, особенно федерального уровня.

Выборы в Государственную Думу РФ 2016 г. стали, по сути, реакцией на события 2011 г. Они проходили в новых условиях. И не только потому, что к участию в нынешней избирательной кампании было допущено 14 партий. Новизну создавало сохранение главной и пока неизменной установки власти – на доминирование «Единой России». Создав в 2000-е гг. относительно эффективную и стабильную «партию власти», Кремль все эти годы обеспечивал условия для консервации ее господства, идя путем пересмотра законодательства о партиях и выборах. Поэтому в 2003–2006 гг. были ужесточены количественные требования к партиям, заградительный барьер при выборах в Государственную Думу поднят с 5 до 7%, запрещено образование избирательных блоков, отменены федеральные выборы по одномандатным округам, которые по этим же мотивам были возвращены в текущем избирательном цикле.

В совокупности увеличение числа партий и возврат мажоритарной составляющей выборов обеспечивали существенное расширение кадрового компонента электорального поля. Однако возникает вопрос: а произошло ли качественное изменение характеристик кандидатского корпуса?

Внимание к данной категории партийных или «почти партийных» кадров закономерно по нескольким причинам.

Во-первых, современные избиратели ориентируются в своем выборе не на собственную социальную позицию, статус или же существующую электоральную традицию, а голосуют на основании ситуативных симпатий. В результате партийная пропаганда строится как

[1] Panebianco A. Political Parties: Organization and Power. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1988. – 318 p.
[2] Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 62.

массированная рекламная кампания, основным «месседжем» которой становится не программа, а персональные образы лидеров.

Данный тезис наглядно иллюстрируют результаты социологических исследований, проведенных Левада-центром и Центром политического анализа и технологий Алтайского государственного университета в 2016 г. Согласно всероссийскому опросу Левада-центра (23–27 июня 2016 г.)[1], ответы на вопрос «Чем объясняется Ваше намерение голосовать за … партию?» дали следующее распределение:

Таблица 1– Результаты опросов «Чем объясняется Ваше намерение голосовать за … партию?»
Table 1 – Results of the poll, "Why is your intention to vote for the party ...?"

Я симпатизирую лидеру (лидерам) этой партии	32%
Я разделяю программу и лозунги этой партии	26%
Я поддерживаю эту партию уже долгое время	23%
Это самая сильная партия, ее поддерживает большинство	17%
Эта партия может защитить интересы таких людей, как я	12%
Эта партия способна обеспечить нормальную, достойную жизнь в стране	11%
Эту партию поддерживают мои друзья, родственники	10%
Эта партия имеет будущее/перспективы	9%
Об этой партии я что-то знаю, про другие мне ничего не известно	6%
Это партия нового поколения/поколения наших детей и внуков	3%

В Алтайском крае лишь незначительная часть избирателей указала значимость для них партийности кандидатов (табл. 2).

Таблица 2 – Результаты опросов о партийной принадлежности избирателей
Table 2- The results of the poll on voters' party affiliation

Как Вы считаете, кандидат в депутаты Госдумы … должен быть членом партии или беспартийным?	**Округ 1[2]**	**Округ 2[3]**
членом партии	22,6%	19,8%
беспартийным	11,4%	7,6%
не имеет значения	56,1%	61,9%
затрудняюсь ответить	9,9%	10,7%

[1] Предстоящие выборы и образ нынешней Госдумы: Пресс-выпуск. 18.07.2016 // Левада-Центр – URL: http://www.levada.ru/2016/07/18/predstoyashhie-dumskie-vybory-i-obraz-nyneshnej-gosdumy/ (Дата обращения: 01.11.2016).

[2] Опрос проводился 18–20 сентября 2015 г. Опрошено 1000 избирателей, проживающих в 4 городах и 4 районах Алтайского края.

[3] Опрос проводился 1–3 июля 2016 г. Опрошено 1000 избирателей, проживающих в 3 городах и 5 районах Алтайского края.

Во-вторых, «партии стали все больше полагаться на использование масс медиа, как самый эффективный способ ведения кампаний», особенно федерального уровня. Медиакратия изменила сущность партийной работы: «ресурсы, которые могли дать рядовые члены партии (например, работа волонтеров или знание мнения избирателей на местах), теряли свою ценность для партийного руководства по сравнению с ресурсами масс-медиа или информацией, собираемой специалистами»[1], что также способствовало персонифицированному восприятию политики.

Об этом свидетельствуют и социологические данные по Алтайскому краю (табл. 3).

Таблица 3 – Из каких источников Вы получаете информацию о политической ситуации и кандидатах?, %

Table 3 – What sources do you get information about the political situation and the candidates from?,%

		Округ 1	**Округ 2**
Центральное ТВ		78,8	67,7
Краевое, местное ТВ		44,8	37,2
Центральные газеты		14,8	9,8
Краевые, местные газеты		20,7	35,4
Радио		13,3	10
Друзья, знакомые, родственники		17,6	15,7
Internet		47,7	32,8
Партийная периодика		0,9	9,1
Агитаторы кандидатов		-	7,4

Известный политик или партия могут иметь высокий как рейтинг, так и антирейтинг, но высоких рейтингов без известности не бывает.

В-третьих, возврат мажоритарной составляющей также существенно повлиял на персонификацию электорального пространства, тем более что одномандатники на прошедших выборах в основном и несли ответственность за продвижение партий на своих территориях.

В-четвертых, состав кандидатов выступает своеобразным маркером социальной представительности партий. Современные партии, в том числе российские, в основном носят всеохватный («catch-all-party») характер, поэтому перспективнее, вслед за Ю.Г. Коргунюком, объяснять особенности развития партий не их социальной базой, а «человеческим наполнением» тех или иных организаций»[2]. Так, в последние десятилетия основу российских либеральных партий составляла научная, гуманитарная, творческая интеллигенция – люди с высоким уровнем образования и квалификации, но низким уровнем доходов, действовавшие из идейных побуждений и традиционно обладающие более низкой политической активностью. Предприниматели же все больше тяготели и тяготеют к «партиям власти», связывая с государством стабильность своего бизнеса. Помимо предпринимателей, в «партии власти» всегда в большей или меньшей степени присутствовал чиновничий компонент, обеспечивающий ее иерархичность и подконтрольность. Бюрократические принципы, по

[1] Кац Р.С., Мэир П. Картельная партия: возвращение к тезису // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 90–91.
[2] Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд Индем, Московский городской педагогический университет, 2007. – С. 47.

справедливой оценке Ю. Коргунюка, оказывают влияние и на деятельность КПРФ, костяк организационных структур которой составляют партфункционеры. Также партия ориентируется на бюджетополучателей – от бюджетной сферы (врачи, учителя и пр.) до оборонки и АПК[1]. «Справедливая Россия» инкорпорирует в свои ряды представителей различных социальных групп, которых, в частности, на региональном уровне объединяет «обида» на власть или другие партии. В ЛДПР наиболее широко представлен мелкий и средний бизнес, в основном торговой направленности.

Что показало исследование?

В 2011 г. анализ списков кандидатов в депутаты Государственной Думы РФ по регионам Юго-Западной Сибири позволил выявить следующие тенденции:

– во-первых, списки наглядно демонстрировали состояние партий на федеральном и региональном уровнях – списки парламентских партий формировались почти по каждому региону отдельно и были более многочисленны;

– во-вторых, сократилось число «паровозов» – известных и популярных политиков, обеспечивающих поддержку списков у избирателей, но не претендующих на депутатские мандаты;

– в-третьих, более явными стали позиции партийных спонсоров. Они заняли вторые – третьи строчки в региональных списках всех партий;

– в-четвертых, повышение закрытости российской политики и стабилизация партийной системы привели к увеличению в партсписках доли депутатов Госдумы, региональных и местных легислатур. Соответственно увеличилось в партийных списках и число «парашютистов» (ранее не связанных с регионом кандидатов)[2].

В 2016 г. большинство партий, включая парламентские, активно использовали «электоральную географию». Решая прагматическую задачу максимизации числа мандатов, они комбинировали благоприятные и неблагоприятные для себя регионы, формируя межрегиональные списки кандидатов. Так, «Единая Россия» в Западной Сибири, в отличие от 2011 г., была представлена только двумя списками. Один, во главе с Губернатором Кемеровской области А.Г. Тулеевым, объединил Республику Алтай, Алтайский край, Кемеровскую и Томскую области (насчитывал 15 кандидатов), второй – Новосибирскую и Омскую области (9 кандидатов). Верхнюю строчку в нем занимал первый заместитель Председателя Государственной Думы А.Д. Жуков. Относительная малочисленность списка партии власти была связана с низким уровнем ее поддержки, а также установкой на победу в большинстве одномандатных округов.

КПРФ в Западной Сибири также была представлена 2 межрегиональными (Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва, Алтайский край – 11 кандидатов; Новосибирская и Томская области – 8 кандидатов) и 2 региональными (Кемеровская область – 8 кандидатов и Омская область – 6 кандидатов) группами. «Справедливая Россия» также сформировала 2 межрегиональные группы – с участием Алтайского края (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край – 11 кандидатов) и Томской области (Томская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – 7 кандидатов). Кемеровская же, Новосибирская и Омская области имели самостоятельные списки в составе 5, 4 и 5 кандидатов соответственно. И только ЛДПР, представители которой никогда не побеждают в

[1] Коргунюк Ю.Г. Указ. соч. С. 47.

[2] Более подробно см.: Шашкова Я.Ю. Особенности формирования партийных списков на выборах депутатов Государственной Думы РФ в регионах Юго-Западной Сибири // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – Барнаул: Изд-во Аз Бука, 2012. – С. 212–215.

одномандатных округах, почти по всем регионам определила территориальные группы в составе 1–2 человек, привязанные к одномандатным округам и возглавляемые баллотирующимися по ним же одномандатниками[1].

Большинство малых партий образовали межрегиональные территориальные группы большего или меньшего географического охвата.

Обращает на себя внимание незначительная представленность в партсписках «паровозов». В 2011 г. к ним относились Губернаторы Алтайского края и Кемеровской области[2], в 2016 г. – Губернатор Кемеровской области А.Г. Тулеев («Единая Россия») и мэр Новосибирска А.Е. Локоть (КПРФ).

«Парашютисты» традиционно в основном были представлены депутатами Госдумы или обеспечивали формирование списков партий, испытывающих кадровые проблемы. В частности, один из межрегиональных списков КПРФ возглавил москвич, писатель и журналист С.А. Шаргунов. В списках новых партий, особенно «Гражданской Силы», значились жители Волгограда, Ульяновской области, Калмыкии, Костромы, Норильска, Москвы, Ладейного поля и даже Крыма.

Что касается партийных спонсоров, то возврат мажоритарных выборов повлек за собой своеобразную аналогию с ситуацией первой половины 2000-х гг., когда богатые кандидаты предпочитали избираться по одномандатным округам, стремясь самостоятельно контролировать расходы своих ресурсов и гарантировать эффективную отдачу электоральных инвестиций. Тем не менее в списках ряда новых партий и «Справедливой России» спонсоры явно или латентно присутствовали.

Возвращаясь к теме запроса на новые имена, можно констатировать, что парламентские партии действительно попытались удовлетворить его. Часть из них, например, «Единая Россия» проводили праймериз, объявляли «партийный призыв» и т.д. Вместе с тем среди 24 кандидатов – списочников «Единой России» – в регионах Западной Сибири 7 являются депутатами Государственной Думы, 6 – региональных парламентов и 2 – муниципальных представительных органов. Данное распределение повторяется среди 33 кандидатов от КПРФ. На этом фоне в «Справедливой России» преобладали депутаты регионального уровня (9), 7 кандидатов на момент избирательной кампании заседали в Госдуме РФ, 1 – в местном собрании депутатов. И, наконец, обратную зависимость демонстрируют территориальные

---

[1] Списки кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва, выдвинутые политическими партиями (Алтайский край) // Избирательная комиссия Алтайского края. – URL: http://altai-terr.izbirkom.ru/way/1000327.html (Дата обращения: 01.11.2016); Федеральные списки кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва, выдвинутые политическими партиями (Кемеровская область) // Избирательная комиссия Кемеровской области. – URL: http://www.cikrf.ru/analog/vib_d16/2016/polit_part/zareg_soisok.html (Дата обращения: 01.11.2016); Список политических партий, принимающих участие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва // Избирательная комиссия Томской области. – URL: http://www.tomsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/tomsk?action=show&root=1000238&tvd=100100067796092&vrn=100100067795849&region=70&global=1&sub_region=70&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795849&type=236 (Дата обращения: 01.11.2016).

[2] Список политических партий, принимающих участие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва // Центральная избирательная комиссия. – URL:http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100028713304&vrn=100100028713299&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100028713299&type=236 (Дата обращения: 01.11.2016).

списки ЛДПР – на первом месте в них по численности депутаты муниципального уровня (9), затем следуют депутаты региональных легислатур (7) и только 1 кандидат имел думский мандат.

Таблица 4 – Социальный состав кандидатов в депутаты Государственной Думы РФ, выдвинутых по партийным спискам от парламентских партий, чел.

Table 4 – The social composition of candidates for deputies of the State Duma of the Russian Federation nominated according to the party lists of the parliamentary parties, people.

	ЕР		**КПРФ**		**ЛДПР**		**СР**	
	2011	**2016**	**2011**	**2016**	**2011**	**2016**	**2011**	**2016**
Депутат Госдумы		**7**		**7**		**1**		**7**
Депутат ЗС на освобожденной основе, помощник депутата		**3**		**5**		**4**		**5**
Бизнес	5	**2**	2	**2**	2	**3**	3	**5**
Аппарат Госдумы, помощники депутатов				**5**	5	**4**	1	**1**
Работники парт. аппарата			1	**5**			3	**1**
Депутат, работник ОМСУ				**2**		**1**		
Врач	1	**3**		**1**				
Шахтер		**1**						**1**
Юрист		**3**			2			**1**
Спортсмен, тренер	4	**1**					2	**1**
Журналист, PR		**1**	1	**2**			2	
Временно не работающий			2	**2**				**2**
Инженер			1		1	**4**		**2**
ИП						**2**	1	**2**
Губернатор	2	**1**						
Работник исп. власти		**2**						
Член СФ				**1**				
Арбитражный управляющий				**1**				
Менеджер						**4**		
Машинист						**1**		
Работник ВУЗа						**1**		
Преподаватель, учитель	1		3			**2**	2	
Руководитель общественной организации			2				2	**1**
Силовые структуры	1						1	**1**
АПК	1		1					
Артист	1							
Пенсионер			4				1	
рабочий			2					
Домохозяйка			1					

По социальному составу списки парламентских и непарламентских партий ожидаемо заметно различались как по сферам занятости кандидатов, так и по их статусу в этих сферах (табл. 4, 5).

Таблица 5 – Социальный состав кандидатов в депутаты Государственной Думы РФ, выдвинутых по партийным спискам от непарламентских партий, чел.

Table 5 – The social composition of candidates for deputies of the State Duma of the Russian Federation nominated according to the party lists of non-parliamentary parties, people.

	Гражданская сила	Гражданская платформа	Зеленые	Коммунисты России	Парнас	Партия пенсионеров	Партия роста	Родина
Бизнес	2	4	8	4	6	8	13	10
Юрист	1		1	2	1	1	2	
Пенсионер		2	4	2	4	4	1	
Временно не работающий	12	7		1	3	2	1	
ИП	1	2		1		1	2	1
Преподаватель, учитель	2	1	4			1	1	1
Работники партийного аппарата		7		2	1			
Журналист, PR			1		1		1	2
Врач		1				2		1
Инженер	1					2	3	
Руководитель общественной организации			1		1	2		2
Силовые структуры							1	1
Рабочий					1			1
Домохозяйка(ин)				2	1			
Студент	1			1	1			
Бухгалтер, работник банка, кассир	1	2			2			
Менеджер				4				
Научный работник			3					
Организатор массовых мероприятий	2							
Работник АПК							2	
Начальник аналитического отдела	1							
Аудитор	1							
Уборщица				1				
Провизор				1				
Водитель					1			
Директор издательства						2		

Для сравнения: в 2011 г. в списках «Единой России» в Юго-Западной Сибири 10 кандидатов из 31 являлись депутатами Государственной Думы (Новосибирская область – 4, Кемеровская – 3, Алтайский край – 3), 4 – региональных и местных легислатур. Для других парламентских партий это соотношение было обратным: в списках КПРФ было 3 депутата Госдумы из 26 кандидатов и 8 депутатов региональных и местных легислатур (в Кузбассе последних не было вообще). В списках «Справедливой России» – 2 депутата Госдумы и 8 депутатов регионального и местного уровней (из 26 кандидатов). У ЛДПР из 12 кандидатов – 1 депутат Госдумы и 2 депутата легислатур.

Таблица 6 – Социальный состав кандидатов в депутаты Государственной Думы РФ, выдвинутых по партийным спискам от непарламентских партий в 2011 и 2016 гг., чел.

Table 6 – The social composition of candidates for deputies of the State Duma of the Russian Federation nominated according to the party lists of non-parliamentary parties in 2011 and 2016, people

	Патриоты России		**Яблоко**	
	2011	**2016**	**2011**	**2016**
Бизнес	4	**5**	4	**3**
Работники партийного аппарата	2	**1**		**2**
Пенсионер		**5**	1	**5**
Юрист				**1**
Спортсмен, тренер	1	**3**		
Журналист, PR		**2**		
Временно не работающий	2		2	
Инженер	2	**2**	1	
ИП				**1**
Работник ОМСУ		**1**		
Научный работник			1	
Преподаватель, учитель, работник вуза		**1**	6	**6**
Руководитель общественной организации			1	**3**
Силовые структуры		**1**		
Рабочий				**1**
Домохозяйка(ин)			1	
Нач. аналит. центра				**1**
Студент				**1**
Бухгалтер, работник банка, кассир			1	
Комендант общежития	1			
Председатель ТОС	1			
Референт			1	
Социальный работник		**1**		

Как видно из таблиц 4 и 6, сравнивая сферы занятости кандидатов по партиям, участвовавшим и в предыдущих выборах, следует отметить их стабильное количество у «Единой России» при некотором смещении в сторону профессионализации кандидатского корпуса. В КПРФ, в соответствии с принципами кадровой работы массовых партий, было заметно стремление перевести на выборные должности значительную часть

партаппаратчиков различных уровней. У ЛДПР и «Справедливой России» можно констатировать расширение сфер занятости как показатель их стремления продемонстрировать свою «всеохватность», особенно заметный у «Справедливой России». Последняя тенденция наблюдалась и у «Патриотов России», в то время как сравнительный анализ социального состава кандидатов от партии «Яблоко» указывает на стабильность и замкнутость ее кадрового состава.

В целом можно констатировать, что, несмотря на существенное увеличение количества участников текущего избирательного цикла, большинство из них формально присутствовали в избирательном поле, не обладая ресурсами для полноценной предвыборной борьбы, по-прежнему выполняя в основном спойлерские функции. А потому политический кадровый потенциал данных объединений низок и вряд ли может стать средством обновления политической элиты, что и показали результаты выборов. Механизмами кадровых ротаций, как и прежде, выступают только парламентские партии, что будет обеспечивать их нахождение в фокусе исследовательского интереса.

Библиография/References:

1. Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С. 49–76.

2. Кац Р.С., Мэир П. Картельная партия: возвращение к тезису // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С. 77–112.

3. Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М. : Фонд Индем, Московский городской педагогический университет, 2007. – 544 с.

4. Шашкова Я.Ю. Особенности формирования партийных списков на выборах депутатов Государственной Думы РФ в регионах Юго-Западной Сибири // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – Барнаул: Аз Бука, 2012. – С. 212–215.

5. Panebianco A. Political Parties: Organization and Power. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1988. – 318 p.

1. Ignatsi, P. (2010) Partii i demokratiia v postindustrial'nuiu eru [Parties and Democracy in the post-industrial era] // Politicheskaia nauka [Political science]. – № 4. – P. 49–76. (In Russ.)

2. Kats, R.S., Meir, P. (2010) Kartel'naia partiia: vozvrashchenie k tezisu [The cartel party thesis: A restatement] // Politicheskaia nauka [Political science]. – № 4. – P. 77–112. (In Russ.)

3. Korguniuk, Iu.G. (2007) Stanovlenie partiinoi sistemy v sovremennoi Rossii [The formation of the party system in modern Russia]. – M.: Fond Indem, Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet. – 544 p. (In Russ.)

4. Shashkova, Ia.Iu. (2012) Osobennosti formirovaniia partiinykh spiskov na vyborakh deputatov Gosudarstvennoi Dumy RF v regionakh Iugo-Zapadnoi Sibiri [Features of formation of party lists for the election of deputies of the State Duma in the South-Western Siberia] // Rossiiskii politicheskii protsess v regional'nom izmerenii: istoriia, teoriia, praktika [Russian political process at the regional level: history, theory, practice]. – Barnaul: Az Buka. – P. 212–215. (In Russ.)

5. Panebianco A. Political Parties: Organization and Power. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1988. – 318 p.